

ЕЩЁ РАЗ О СЕМАНТИКЕ ЛИТОВСКИХ *n/st*-ГЛАГОЛОВ: ОТ НЕПЕРЕХОДНОСТИ К НАЧИНАТЕЛЬНОСТИ

Введение

Проблемы морфологической структуры и функционирования литовской глагольной системы, как в синхронном плане, так и с точки зрения балтийской, балто-славянской и индоевропейской исторической грамматики, занимали важное место в научных интересах В.Н. Топорова и были рассмотрены в целом ряде его публикаций, ср. [Топоров 1961, 1962, 1966 и др.]. Отдельное внимание было уделено В.Н. Топоровым группе литовских глаголов, образующих основу презенса при помощи назального инфикса и/или суффикса *-st*, см. [Топоров 1970, 1973]. Не иссякающий на протяжении более полувека интерес исследователей к этому типу глагольных основ в литовском языке связан не только с особенностями их морфологии и исторического развития, но и с высокой степенью их семантической мотивированности, см. помимо упомянутых работ В.Н. Топорова также [Arumaa 1957; Степанов 1978; Темчин 1986; Wiemer 2004; Аркадьев 2006а, 2006б; Arkadiev 2005, 2008; Gorbachov 2007; Pakerys 2007].

Несмотря на хорошую разработанность данной проблематики, по крайней мере один из аспектов функционирования *n/st*-глаголов в литовской глагольной системе, насколько мне известно, не был до сих пор освещён с достаточной полнотой. Речь идёт о случаях, когда глагол *n/st*-класса вступает в коррелятивные отношения с глаголами других словоизменительных классов. Если один из типов таких отношений между глаголами, а именно, связанный с противопоставлением по переходности, был неоднократно рассмотрен в литературе (к уже цитированным работам добавлю [Leskien 1884: 381ff; Криницкайте 1979; Vanelis 1979; Ambrazas (ed.) 1997: 223; Valeckienė 1998: 27–28; Petit 1999: 85–93]), то другой тип, в котором глаголы противопоставлены не как переходный vs. непереходный, а как длительный vs. начинательный, систематически почти не рассматривался.

Задача данной статьи — восполнить этот пробел¹. В разделе 1 я кратко охарактеризую интересующие меня соотношения между глаголами, в разделе 2 приведу относительно полный материал, в разделе 3 выскажу гипотезы о синхронных и исторических мотивациях совмещения в рамках одного глагольного класса разных семантических признаков (непереходности и начинательности).

1. Общие замечания

В литовском языке имеется значительное число пар так называемых «первичных» глагольных лексем (таких, которые образуют инфинитив присоединением суффикса *-ti* непосредственно к корню, ср. первичный глагол *bėg-ti* ‘бежать’ vs. производный *bėg-io-ti* ‘бегать’), связанных следующими соотношениями:

один из членов пары — непереходный и как правило обозначает неконтролируемый процесс или состояние, образует основу презенса при помощи назального инфикса и/или суффикса *-st* и имеет «нулевую» ступень огласовки корня²;

¹ В основе настоящей статьи лежат доклады, прочитанные на секции балтистики всероссийской конференции «Ломоносовские чтения» (Москва, апрель 2009 г.) и на международной конференции “Baltic Languages: Structure and Contacts” (Стокгольм, июнь 2010 г.). Я благодарен слушателям, в особенности Даниэлю Пети, Илье Сержанту и Бонифацасу Стундже, за обсуждение и замечания. Работа выполнена при поддержке программы фундаментальных исследований ОИФН РАН «Текст во взаимодействии с социокультурной средой: уровни историко-литературной и лингвистической интерпретации».

² Об этом см., среди прочего, [Petit 1999: 85ff].

второй член пары — переходный, обозначает агентивную каузацию процесса или состояния, выражаемого непереходным членом пары, образует основы презенса и претерита палатализацией конечного согласного основы и имеет «полную» степень огласовки корня.

Примеры соотношений инхоативно-каузативного типа (представляющие все зафиксированные модели аблаутных соотношений) приведены в таблице 1. Всего по данным обратного словаря [Robinson 1976] и литовско-русского словаря [Lyberis 2005] в современном литовском литературном языке имеется примерно полсотни таких пар³. Они, несмотря на свою непродуктивность, являются важным средством противопоставления переходных и непереходных предикатов в литовском языке, вполне стандартным с типологической точки зрения, см. [Haspelmath 1993; Comrie 2006].

Табл. 1. Пары непереходных и переходных первичных глаголов⁴

Тип аблаута	Непереходный	Переходный	Число пар
i~e + сонант	<i>linkti (linksta, linko)</i> ‘гнутья’	<i>lenkti (lenkia, lenkė)</i> ‘гнуть’	12
i~e + шумный	<i>migzti (myzga⁵, mizgo)</i> ‘путаться’ <i>plisti (plinta, plito)</i> ‘распространяться’	<i>mezgti (mezgia, mezgė)</i> ‘завязывать’ <i>plėsti (plečia, plėtė)</i> ‘расширять’	8
y~ė	<i>plyšti (plyšta, plyšo)</i> ‘разрываться’	<i>plėšti (plėšia, plėšė)</i> ‘рвать, драть’	2
i~ei	<i>kisti (kinta, kito)</i> ‘меняться’	<i>keisti (keičia, keitė)</i> ‘менять’	4
i~ie	<i>mišti (myšta⁶, mišo)</i> ‘смешиваться’	<i>miešti (miešia, miešė)</i> ‘разбавлять’	3
y~ie	<i>dygti (dygsta, dygo)</i> ‘произрастать’	<i>diegti (diegia, diegė)</i> ‘сажать (растения)’	6
y~ei	<i>klypti (klypsta, klypo)</i> ‘искривляться’	<i>kleipti (kleipia, kleipė)</i> ‘искривлять’	2
u~au	<i>trukti (trunka, truko)</i> ‘продолжаться’	<i>traukti (traukia, traukė)</i> ‘тянуть’	12
ū~au	<i>lūžti (lūžta, lūžo)</i> ‘ломаться’	<i>laužti (laužia, laužė)</i> ‘ломать’	3

Рассмотрение пар, подобных приведённым, сталкивается с двумя проблемами:

во-первых, имеется немало (в моей выборке — около 30) число пар, члены которых демонстрируют те же самые формальные соотношения, однако различаются не только переходностью или вообще не переходностью; наиболее частотное соотношение в таких парах состоит в том, что *n/st*-глагол (чаще всего приставочный) обозначает вхождение в процесс или состояние, обозначаемое другим членом пары;

во-вторых, *n/st*-глаголы регулярно вступают в систематические корреляции с глаголами других словоизменительных типов (в том числе с суффиксальными производными глаголами), причём семантические отношения между членами таких пар аналогичны отношениями в «начинательных» парах первичных глаголов.

В таблице 2 приведены несколько примеров, иллюстрирующих такие соотношения между глаголами, не описываемые в терминах (не)переходности.

³ Согласно работе [Темчин 1986: 87], основанной на более обширном исходном материале, включающем данные диалектов, число таких пар оценивается как примерно на порядок большее.

⁴ В скобках приведены формы 3 л. презенса и претерита. Статистика даётся по моей выборке.

⁵ Перед несмычными согласными назальный инфикс реализуется как удлинение предшествующей гласной фонемы ($y = /i:/$).

⁶ Ряд глаголов с основой на фрикативный образуют основу презенса при помощи одновременно инфиксации (реализующейся как удлинение, см. сн. 5) и суффикса *-st*: *myšta* < {*mi-n-š-st-a*}.

Табл. 2. Глагольные пары другого типа

Морфологический тип	<i>n/st</i> -глагол	Коррелятивный глагол
с аблаутом, коррелятивный глагол первичный	<i>dvisti (dvysta, dviso)</i> ‘протухать’ <i>pra-virkti (pravirksta, pravirko)</i> ‘заплакать’	<i>dvēsti (dvesia, dvēsē)</i> ‘издыхать’ <i>verkti (verkia, verkē)</i> ‘плакать’
с аблаутом, коррелятивный глагол не первичный	<i>pra-gysti (pragysta, pragydo)</i> ‘запеть’	<i>giedoti (gieda, giedojo)</i> ‘петь’
без аблаута, коррелятивный глагол не первичный	<i>pra-kalbti (prakalbsta, prakalbo)</i> ‘заговорить’ <i>iš-girsti (išgirsta, išgirdo)</i> ‘услышать’	<i>kalbēti (kalba, kalbējo)</i> ‘говорить’ <i>girdēti (girdi, girdējo)</i> ‘слышать’

Общее число пар, не укладывающихся в «инхоативно-каузативную» модель, в моей выборке почти 70, т.е. их даже больше, чем собственно пар, соотносящихся по переходности. Тем самым, сосредоточение внимания исключительно на инхоативно-каузативных парах и игнорирование глагольных пар других типов неправомерно: последние не являются исключением или статистически несущественным отклонением от доминирующей модели. В следующем разделе я привожу полный список таких пар из моей выборки и классифицирую их по наблюдающимся в них семантическим соотношениям между глаголами.

2. Семантические соотношения в «непереходных» глагольных парах

Среди глагольных пар, не описываемых в терминах противопоставления «непереходный глагол ~ каузатив», имеется небольшое число пар, по всей видимости, исторически относящихся к тому же типу, что и основная масса «переходных» пар, однако утративших прозрачную семантическую мотивацию. Глаголы в этих парах противопоставлены как непереходный и переходный, однако различие между ними не сводится к компоненту «каузация» и является в каждом случае индивидуальным и лексикализованным. Это следующие пары:

- rikti (rinka, riko)* ‘ошибаться’ — *riekti (riekia, riekē)* ‘резать, пахать’;
gižti (gyžta, gižo) ‘киснуть’ — *giežti (giežia, giežē)* ‘щекотать, першить’;
gubti (gumba, gubo) ‘гнуть’ — *gaubti (gaubia, gaubē)* ‘накрывать’;
siusti (siunta, siuto) ‘беситься’ — *siausti (siaučia, siautē)* ‘бить; окружать’;
klusti (klūsta, kluso) ‘становиться послушным’ — *klausti (klausia, klausē)* ‘спрашивать’;
nykti (nyksta, nyko) ‘исчезать’ — *niekti (niekia, niekē)* ‘пренебрегать’;
rykšti (rykšta, ryško) ‘становиться ясным’ — *reikšti (reiškia, reiškē)* ‘значить, выразить’.

Среди «первичных» пар выделяются также единичные пары, в которых глаголы противопоставляются не по синтаксической переходности, соответствующей наличию *resp.* отсутствию в их значении семантического компонента «каузация», а по другим семантическим параметрам переходности (о них см. [Hoppe, Thompson 1980]): одушевлённости субъекта, ср. *dvisti (dvysta, dviso)* ‘протухать’ (о продуктах) vs. *dvēsti (dvesia, dvēsē)* ‘издыхать’ (о животных), контролируемости действия субъектом, ср. *klupti (klumpa, klupo)* ‘спотыкаться’ vs. *klaupiti (klaupia, klaupē)* ‘становиться на колени’. Наконец, по крайней мере в одной паре глаголы являются практически синонимичными, ср. *justi (junta, juto)* ‘ощущать’ vs. *jausti (jaučia, jautē)* ‘чувствовать’⁷.

Однако наиболее частотным и единственным систематическим типом соотношения между *n/st*-глаголом и его коррелятом в «непереходных» парах является аспектуальное (точ-

⁷ Несмотря на то, что эти глаголы объясняются друг через друга в толковых словарях, они демонстрируют существенные статистические различия в употреблении: во-первых, формы глагола *jausti* встречаются в корпусе [LKT] примерно на порядок чаще, чем формы глагола *justi*; во-вторых, если *jausti* чаще употребляется в настоящем времени, нежели в прошедшем (3791 vs. 1902 употребления для 3 лица), то *justi* демонстрирует диаметрально противоположную дистрибуцию (179 vs. 393 употребления для 3 лица). Наконец, как мне справедливо указала А. Усонене, префиксы присоединяются почти только к глаголу *justi*, что может указывать на то, что по крайней мере исторически он был способен обозначать изменение состояния.

нее, акциональное) противопоставление между обозначениями неопределённой длительной ситуации (состояния или процесса) и соотносящегося с такой ситуацией моментального события — чаще всего начала соответствующего состояния или процесса. Как уже указывалось выше, в подавляющем большинстве таких случаев *n/st*-глагол содержит приставку и обычно вообще не употребляется без приставки⁸. Можно выделить несколько более дробных подклассов таких соотношений.

Начало состояния ~ состояние:

с аблаутом:

iš-žirgti (išžirgsta, išžirgo) ‘раскорячиться’ — *žergti (žergia, žergė)* ‘расставлять ноги’
pra-džiugti (pradžiuanga, pradžiugo) ‘обрадоваться’ — *džiaugtis*⁹ (*džiaugiasi, džiaugėsi*)
 ‘радоваться’

snūsti (snūsta, snūdo) ‘начинать дремать’ — *snausti (snaudžia, snaudė)* ‘дремать’

nu-nižti (nunųžta, nunižo) ‘опаршиветь’ — *niežėti (niežti, niežėjo)* ‘зудеть’

pa-milti (pamilsta, pamilo) ‘полюбить’ — *mylėti (myli, mylėjo)* ‘любить’

pra-žiurti (pražiūra, pražiuro) ‘прозреть’, *su-žiurti* ‘уоставиться’ — *žiūrėti (žiūri, žiūrėjo)*
 ‘смотреть’

без аблаута

pa-kabti (pakamba, pakabo) ‘повиснуть’, *nu-kabti* ‘свиснуть, нависнуть’ — *kaboti (kabo, kabojo)* ‘висеть’

su-bruzti (subrūzda, subruzdo) ‘взбудоражиться’ — *bruzdėti (bruzda, bruzdėjo)* ‘волноваться’

pa-gailti (pagailsta, pagailo) ‘почувствовать жалость’ — *gailėti (gaili, gailėjo)* ‘жалеть’

pa-nortti (panorsta, panoro) ‘захотеть’ — *norėti (nori, norėjo)* ‘хотеть’

į-galti (įgalsta, įgalo) ‘получить возможность’ — *galėti (gali, galėjo)* ‘мочь’

iš-girsti (išgirsta, išgirdo) ‘услышать’, *nu-girsti* ‘тж.’ — *girdėti (girdi, girdėjo)* ‘слышать’

pa-žinti (pažįsta, pažino) ‘узнать; знать’ — *žinoti (žino, žinojo)* ‘знать’

pa-rūpti (parūpsta, parūpo) ‘озаботить’ (безл.), *su-rūpti* ‘тж.’ — *rūpėti (rūpi, rūpėjo)* ‘интересовать’

į-bosti (įbosta, įbodo) ‘надоесть’, *at-si-bosti*, *nu-bosti* ‘тж.’ — *bodėtis (bodisi, bodėjosi)*
 ‘гнушаться’

pa-garsti (pagarsta, pagarso) ‘прославиться’, *pragarsti* ‘тж.’ — *garsėti (garsėja, garsėjo)*
 ‘славиться’ (< *garsus* ‘известный’)

Начало процесса ~ процесс:

с аблаутом:

pra-virkkti (pravirksta, pravirko) ‘заплакать’, *su-virkkti* ‘тж.’ — *verkti (verkia, verkė)* ‘плакать’

pra-jukti (prajunka, prajuko) ‘засмеяться’ — *juoktis (juokiasi, juokėsi)* ‘смеяться’

į-knibti (įknimba, įknibo) ‘налечь, приняться’ — *kneibti (kneibia, kneibė)* ‘ковырять’

su-tviksti (sutvyska, sutvisko) ‘заблестеть’ — *tviekti (tvieskia, tvieskė)* ‘ярко светить, освещать’

su-šukti (sušunka, sušuko) ‘вскрикнуть’ — *šaukti (šaukia, šaukė)* ‘кричать; звать’

spisti (spinta, spito) ‘начинать роиться’ (о пчёлах) — *spiesti (spiečia, spietė)* ‘роиться’

⁸ Несмотря на то, что в [LKŽ] приводятся примеры употребления соответствующих бесприставочных лексем, их, как правило, невозможно обнаружить в современной речи, отражённой в интернете и в Корпусе литовского языка [LKT], равно как и в других словарях.

⁹ Строго говоря, наличие у данного глагола рефлексивного суффикса указывает на то, что исторически эта пара могла быть инхоативно-каузативной со вторым членом *džiaugti* ‘радовать’. Интересно, однако, что последний зафиксирован в [LKŽ] и как переходный ‘радовать’, и как непереходный синонимичный современному литературному *džiaugtis* ‘радоваться’.

без аблаута

su-spursti (suspursta, suspurdo) ‘затрепетать’ — *spurdėti (spurda, spurdėjo)* ‘трепетать’
su-krusti (sukrunta, sukruoto) ‘зашевелиться’ — *krutėti (kruta, krutėjo)* ‘шевелиться’

Начало процесса свето- или звукопроизводства — соответствующий процесс:

с аблаутом:

pra-bilti (prabyla, prabilo) ‘заговорить’ — *byloti (byloja, bylojo)* ‘вещать’
pra-gysti (pragysta, pragydo) ‘запеть’, *su-gysti* ‘тж’ — *giedoti (gieda, giedojo)* ‘петь’

без аблаута:

su-žibti (sužimba, sužibo) ‘блеснуть, заблестеть’ — *žibėti (žiba, žibėjo)* ‘блестеть’
su-žvilgti (sužvilgsta, sužvilgo) ‘заблестеть’ — *žvilgėti (žvilga, žvilgėjo)* ‘блестеть’
su-mirgti (sumirgsta, sumirgo) ‘запестреть’ — *mirgėti (mirga, mirgėjo)* ‘пестреть’
pra-kalbti (prakalbsta, prakalbo) ‘заговорить’ — *kalbėti (kalba, kalbėjo)* ‘говорить’
pra-šnekti (prašnenka, prašneko) ‘заговорить’ — *šnekėti (šneka, šnekėjo)* ‘говорить’
pra-žvingti (pražvingsta, pražvingo) ‘заржать’, *su-žvingti* ‘тж’ — *žvingauti (žvingauja, žvingavo)* ‘ржать’
su-čiulbti (sučiulbsta, sučiulbo) ‘зачирикать’ — *čiulbėti (čiulba, čiulbėjo)* ‘чирикать’
su-klegti (suklenga, suklego) ‘загалдеть’ — *klegėti (klega, klegėjo)* ‘галдеть’
su-žvangti (sužvangsta, sužvango) ‘зазвенеть’ — *žvangėti (žvanga, žvangėjo)* ‘звенеть’
su-šlamti (sušlama, sušlamo) ‘зашелестеть’ — *šlamėti (šlama, šlamėjo)* ‘шелестеть’
su-čiaukšti (sučiaukšta, sučiauško) ‘защебетать’ — *čiauškėti (čiauška, čiauškėjo)* ‘щебетать’
su-čežti (sučežta, sučežo) ‘зашуршать’ — *čežėti (čeža, čežėjo)* ‘шуршать’

Достижение определённой стадии постепенного изменения качества ~ постепенное изменение качества (с отыменными глаголами):

без аблаута:

pa-kvailti (pakvailsta, pakvailo), *su-kvailti* ‘поглупеть’ — *kvailėti (kvailėja, kvailėjo)* ‘глупеть’ (< *kvailus* ‘глупый’)
ap-lėsti (aplėsta, aplėto) ‘немного замедлиться’ — *lėtėti (lėtėja, lėtėjo)* ‘замедляться’ (< *lėtas* ‘медленный’)
ap-tamsti (aptamsta, aptamso) ‘потемнеть’ — *tamsėti (tamsėja, tamsėjo)* ‘темнеть’ (< *tamsus* ‘тёмный’)
pra-tursti (pratursta, praturto) ‘разбогатеть’ — *turtėti (turtėja, turtėjo)* ‘богатеть’ (< *turtas* ‘богатство’)
į-drausti (įdrausta, įdrauso) ‘осмелеть’ — *drausėti (drausėja, drausėjo)* ‘смелеть’ (< *drausus* ‘смелый’)
pa-grožti (pagrožta, pagrožo) ‘показаться красивым’ — *grožėti (grožėja, grožėjo)* ‘хорошеть’ (< *grožis* ‘красота’)

Моментальное событие ~ серия таких событий:

с аблаутом:

su-bilsti (subilsta, subildo) ‘громыхнуть’ — *belsti (beldžia, beldė)* ‘стучать’
su-spigti (suspinga, suspigo) ‘вскрикнуть’ — *spiegti (spiegia, spiege)* ‘визжать’
su-stugti (sustunga, sustugo) ‘взвыть’ — *staugti (staugia, staugė)* ‘выть’
su-klikti (suklinka, sukliko) ‘вскрикнуть’ — *klykti (klykia, klykė)* ‘кричать’
pra-vimti (pravimsta, pravimo) ‘стошнить’ — *vemti (vemia, vėmė)* ‘тошнить’

без аблаута:

su-virpti (suvirpsta, suvirpo) ‘вздрагнуть’ — *virpėti (virpa, virpėjo)* ‘дрожать’
su-blizgti (sublyzga, sublizgo) ‘блеснуть’ — *blizgėti (blizga, blizgėjo)* ‘блестеть’

Наконец, в моём материале обнаружилась лишь одна «непервичная» пара, демонстрирующая семантическое соотношение, которое можно описать как инхоативно-каузативное: *pra-mokti* (*pramoksta*, *pramoko*) ‘научиться’ vs. *mokyti* (*moko*, *mokė*) ‘учить’.

В следующем разделе я попытаюсь дать ответ на вопрос, как два выделенных типа семантических соотношений в парах, содержащих *n/st*-глагол, — «инхоативно-каузативный» и «начинательный» — соотносятся друг с другом и является ли сосуществование и «родство» в литовском языке обоих типов пар случайностью или результатом закономерного развития.

3. Интерпретация

Основной вопрос, который встаёт в результате рассмотрения материала, приведённого в предыдущем разделе, состоит в следующем: случайно ли то, что в литовском языке сосуществуют и демонстрируют значительную степень формального сходства инхоативно-каузативные пары типа *mirkti* ‘мокнуть’ ~ *merkti* ‘мочить’ и *pravirkti* ‘заплакать’ ~ *verkti* ‘плакать’, и если совмещение в рамках по сути одного и того же морфологического противопоставления двух различных семантических корреляций не является случайностью, то чем оно мотивировано и как могло возникнуть? В данном разделе я выскажу соображения, позволяющие дать ответ на этот вопрос.

Ключ к пониманию рассматриваемого явления, как мне представляется, — значение глаголов *n/st*-класса, общее как для тех из них, что входят в качестве непереходных членов в каузативную оппозицию, так и для тех, что являются начинательными членами акциональной оппозиции. Как хорошо известно (см. уже упомянутую выше литературу, а также [Stang 1942: 132–133]), *n/st*-класс литовских глаголов семантически весьма гомогенен и характеризуется признаком ‘неконтролируемое изменение состояния’. Это изменение состояния может быть как градуальным, так и спонтанным, моментальным. Градуальные изменения состояния в основном обозначают глаголы, входящие в инхоативно-каузативные пары; их переходные корреляты обычно выражают контролируемую деятельность, направленную на постепенное достижение этого изменения состояния (ср. *linkti* ‘гнутья’ ~ *lenkti* ‘гнуть’). Напротив, значение спонтанного изменения состояния более характерно для глаголов, не имеющих каузативного коррелята (ср. *alpti* ‘лишаться чувств’, *mirti* ‘умереть’). Разумеется, эти закономерности не являются абсолютными, ср. каузативные пары вроде *lūžti* ‘разбиваться’ ~ *laužti* ‘разбивать’, в норме не обозначающие ситуаций с постепенным «накоплением результата» [Падучева 2004], или начинательные пары типа *pakvailti* ‘поглупеть’ ~ *kvailėti* ‘глупеть’, где второй член пары выражает постепенное изменение.

Семантическая связь между неконтролируемым предельным процессом, приводящим к изменению состояния субъекта, и спонтанным моментальным событием — вхождением в новое состояние или в процесс, — представляется вполне закономерным результатом обобщения исходного значения *n/st*-класса при распространении данной морфологической модели на всё новые глаголы. Так, уже среди непереходных глаголов, входящих в каузативные пары, имеются лишённые характерного для значительной части *n/st*-глаголов признака ‘неконтролируемость’, ср. глагол *kilti* ‘подниматься’, который сочетается с названиями не только неодушевлённых объектов (температура, солнце), но и живых существ (ср. [Темчин 1986: 92, 94]). Тем самым, значение неконтролируемости процесса оказывается для *n/st*-класса менее значимым, чем признак предельности, имплицитно указывающий изменение состояния, которое может актуализироваться префиксом. Наличие у непереходных членов каузативно-инхоативных пар префиксальных коррелятов, выражающих достижение процессом предела, ср. *pa-linkti* ‘согнутья’, *iš-birti* ‘высыпаться’, *pra-driksti* ‘продраться’, *su-rigzti* ‘спутаться’, *į-smigti* ‘вонзиться’ и др., — в ещё большей степени облегчает семантический переход к образованиям типа *pra-virkti* ‘заплакать’, поскольку все эти префиксальные глаголы относятся к одному и тому же акциональному классу моментальных предикатов, обозначающих событие, не имеющее длительности. Признак ‘неконтролируемость’ здесь также является факульт-

тативным, ср. многочисленную группу глаголов звукопроизводства, явно обозначающих контролируемые ситуации¹⁰.

В пользу неслучайности морфологической общности литовских инхоативно-каузативных и начинательных глагольных пар говорят и типологические данные. Такого рода совмещение значений в рамках одного морфологического типа наблюдается, например, в грузинском языке¹¹, где так называемые «пассивные» глаголы с суффиксом *-d(-eb)-* могут вступать в следующие отношения с другими глаголами, см. подробнее [Vogt 1971: 112–113; Holisky 1980, 1981]: непереходный vs. каузатив (*tetrdeba* ‘становится белым’ ~ *atetrebs* ‘белит’), вхождение в состояние vs. состояние (*acivdeba* ‘похолодает’ ~ *civa* ‘холодно’), вхождение в процесс vs. непереходный процесс (*at’irdeba* ‘заплачет’ ~ *t’iris* ‘плачет’).

Представляется возможным проследить не только синхронную связь между литовскими глагольными парами двух рассматриваемых типов, но и историческую последовательность их возникновения. Целый ряд формальных признаков «начинательных» пар указывает на их более позднее по сравнению с «каузативными» парами возникновение (см. [Arumaa 1957: 129ff] об инновационном характере основной массы литовских *n/st*-глаголов):

отсутствие аблаута в значительной части «начинательных» пар;

допустимость сверхтяжёлых слогов, например, *pa-gail-ti* ‘почувствовать жалость’, *pa-nor-ti* ‘захотеть’ которые в общем случае в литовских словах недопустимы и сокращаются, ср. презенс *puola* ‘падает’ vs. инфинитив *pul-ti* с сокращением дифтонга или претерит *korė* ‘вешал’ vs. инфинитив *kar-ti* с сокращением /o:/ > /a/;

целый ряд отыменных образований вроде *ap-tamsti* ‘темнеть’ < *tamsus* ‘тёмный’;

наличие глаголов, образованных от морфологически сложных основ, например, *pra-tursti* ‘разбогатеть’ < *tur-t-as* ‘богатство’ < *turėti* ‘иметь, держать’;

наличие в диалектах *st*-глаголов, образованных от недавних заимствований, например, *bagosti* ‘богатеть’ < *bagotas* ‘богатый’ из белорус. *багаты* [Arumaa 1957: 129].

Все эти признаки¹² указывают на то, что основная масса «начинательных» пар сформировалась на сравнительно позднем этапе истории литовского языка и является результатом аналогического распространения (*extension*) по образцу каузативно-инхоативных пар. По всей видимости, базой для такой аналогии послужили уже упомянутые выше префиксальные непереходные глаголы типа *pa-linkti* ‘согнуться’.

Наконец, хотелось бы обратить внимание на изменение характера морфологических отношений между членами разных типов литовских глагольных пар, происшедшее при описанном выше распространении каузативно-инхоативной модели и генерализации *n/st*-класса на непереходные глаголы, обозначающие любые изменения состояния. Если члены инхоативно-каузативных пар связаны между собою многочисленными **двусторонними** импликациями, касающимися их словоизменительного типа, корневого вокализма, переходности и семантики, то отношения внутри «начинательных» пар стали в значительной степени **односторонними**: глаголы подходящей семантики (обозначающие состояния или непереходные процессы) или даже некоторые имена способны «встраиваться» в модель приставочного *n/st*-глагола, выражающего, если угодно, «наиболее естественное событие, соотносимое с производящей основой». С точки зрения морфологической теории можно говорить о переходе от морфологической **деривации** (операции с чётко заданными исходным и конечным

¹⁰ Также нерелевантным оказывает признак «внешняя каузация ситуации» (*external causation*, см. [Levin, Rappaport Hovav 1995]), который я в более ранних работах [Аркадьев 2006б; Arkadiev 2008] полагал одним из определяющих для *n/st*-класса. Он применим, и то не всегда, лишь к тем глаголам, которые входят в каузативные пары, однако начинательные корреляты внутренне-каузативных, происходящих «самих по себе» ситуаций вроде ‘плакать’, ‘шелестеть’, ‘роиться’ и проч. также обычно являются внутренне-каузативными.

¹¹ О ряде других нетривиальных параллелей в составе глагольных классов между литовским и грузинским см. [Аркадьев 2006б; Arkadiev 2005, 2008].

¹² А также существенно меньшая продуктивность *n/st*-класса в латышском языке [Arumaa 1957: 125ff].

множествами единиц и однозначно определённым преобразованием, соотносящим изменение формы — в нашем случае ступени аблаута и словоизменительного класса — и значения — в нашем случае (ин)транзитивизацию¹³) к морфологической **конструкции** (в том более широком понимании термина «конструкция», которое принято в так называемой грамматике конструкций, см. [Goldberg 2006; Booij 2007]: «языковое выражение, у которого есть аспект плана выражения или плана содержания, не выводимый из значения или формы составных частей» [Кузнецова 2007: 3]). В случае «начинательных» пар мы имеем дело с морфологической операцией без однозначно определённого множества исходных единиц (ограничение, видимо, является чисто семантическим, причём относительно «растяжимым»), зато с характерным для грамматических конструкций «радиальным» характером результирующего класса единиц (относительно гетерогенные с семантической и отчасти и с морфологической — наличие vs. отсутствие аблаута — точек зрения лексемы, по ряду признаков — семантических и формальных, причём не обязательно коррелирующих друг с другом, — объединяющиеся в классы различного размера, в свою очередь связанные между собой семантическими переходами). Важно при этом, что результирующее множество задано не при помощи «динамических» операций, переводящих в него элементы исходного множества (эти операции в случае «начинательных» пар весьма разнородны: со стороны морфологии это префиксация, устранение при необходимости «лишних» словоизменительных или словообразовательных аффиксов, изменение парадигматического класса, реже аблаут; семантически это введение в ситуацию начального события или вычленение из неё единичного «кванта»), а посредством «статических» ограничений, накладываемых на его элементы: глагол данного типа должен иметь префикс и не иметь вокалических суффиксов, относиться к определённому словоизменительному типу и обладать событийной семантикой — а «каким образом» основа «подстроится» под эти требования, уже не имеет значения.

В заключение скажу, что рассмотрение всего разнообразия словообразовательных отношений, в которые вступают литовские *n/st*-глаголы, не ограниченное наиболее тривиальными с типологической точки зрения инхоативно-каузативными парами, даёт возможность получить более точное описание этого важного морфологического класса литовских глаголов и открывает более полную и адекватную картину морфологических и семантических отношений внутри литовской глагольной лексики. Помимо этого, такое рассмотрение позволяет также сделать ряд не вполне тривиальных типологических и теоретических выводов, вновь подтверждая значимость литовских данных для лингвистики — значимость, которую на протяжении всей своей научной деятельности не уставал подчёркивать В.Н. Топоров.

Литература

- Аркадьев П.М. (2006а). Парадигматические классы первичных глаголов в литовском языке: Формальные противопоставления и их семантическая мотивация // *Балто-славянские исследования. Вып. XVII*. М.: «Индрик», 250–294.
- Аркадьев П.М. (2006б). Соотношение между семантическими и морфологическими классами производных глаголов в литовском языке в типологической перспективе // Т.Н. Молошная (ред.), *Типология грамматических систем славянского пространства*. М.: Ин-т славяноведения РАН, 128–163.
- Криницкайте С.А. (1979). Классификация глагольных оппозиций по переходности / непереходности в литовском языке // Н. А. Слюсарева (ред.), *Проблемы синтаксиса и структуры слова*. М.: Ин-т языкознания АН СССР, 42–53.
- Кузнецова Ю.Л. (2007). Грамматика конструкций. Обзор // *Научная и техническая информация. Сер. 2. Информационные процессы и системы*. № 4, 3–6.
- Падучева Е.В. (2004). «Накопитель эффекта» и русская аспектология // *Вопросы языкознания* № 5, 46–57.

¹³ Определить направление деривации в случае литовских каузативно-инхоативных пар парадоксальным образом оказывается нелегко, если вообще возможно.

- Степанов Ю.С. (1978). Славянский глагольный вид и балтийская диатеза (проблема общего генезиса и реконструкции) // *Славянское языкознание. VIII международный съезд славистов. Доклады советской делегации*. М.: Наука, 335–363.
- Темчин С. (1986). Семантика *-n-* и *-sta-* глагольных основ в литовском языке // *Kalbotyra* 37, 87–98.
- Топоров В.Н. (1961). К вопросу об эволюции славянского и балтийского глагола // *Вопросы славянского языкознания* 5, 35–70.
- Топоров В.Н. (1962). О некоторых архаизмах в системе балтийского глагола // *International Journal of Slavic Linguistics and Poetics* 5, 31–57.
- Топоров В.Н. (1966). Несколько замечаний о структуре флективной парадигмы литовского глагола в связи с проблемой порождения глагольных форм // *Kalbotyra* 14, 119–130.
- Топоров В.Н. (1970). О соотношении презентных основ на *-sta* и с носовым инфиксом в балтийских языках в связи со структурой индоевропейского глагола // *Кузнецовские чтения 1970: Тезисы докладов по фонологии и морфонологии*, 58–60.
- Топоров В.Н. (1973). Несколько замечаний о балтийских глаголах на *-sta* в связи с происхождением этого форманта (индоевропейская перспектива) // *Baltų kalbų veksmažodžio tyrinėjimai*. Vilnius, 151–168.
- Ambrazas V. (ed.) (1997). *Lithuanian Grammar*. Vilnius: Baltos lankos.
- Arkadiev P.M. (2005). On the semantic determinants of inflection class membership: Evidence from Lithuanian. In: K. Erk, A. Mellinger, S. Schulte im Walde (eds.), *Verb Workshop 2005. Proceedings of the Interdisciplinary Workshop on the Identification and Representation of Verb Features and Verb Classes*. Saarbrücken: Computational Linguistics Department, Saarland University, 10–15.
- Arkadiev P.M. (2008). Lietuvių kalbos pirminių veiksmažodžių klasių semantika tipologinių duomenų kontekste // *Acta Linguistica Lithuanica* 59, 1–27.
- Arumaa P. (1957). Von der Eigenart des Ablauts und der Diathese im Baltischen // *Zeitschrift für slavische Philologie* 26, 118–149.
- Banelis Z. (1979). Apie kauzatyvinę opoziciją LAUŽTI : LŪŽTI // *Aktualiosios kalbotyros problemos. Mokslinės konferencijos pakvietimas-programa ir tezės*. Vilnius, 47–48.
- Booij G. (2007). Construction morphology and the lexicon // F. Montermini, G. Boyé, N. Harbout (eds.), *Selected Proceedings of the 5th Décembrettes. Morphology in Toulouse*. Somerville (MA): Cascadilla Press, 34–44.
- Comrie B. (2006). Transitivity pairs, markedness and diachronic stability // *Linguistics* 44/2, 303–318.
- Gorbachov Ya.V. (2007). *Indo-European Origins of the Nasal Inchoative Class in Germanic, Baltic and Slavic*. PhD Thesis, Harvard University.
- Haspelmath M. (1993). More on the typology of inchoative/causative verb alternations // B. Comrie, M. Polinsky (eds.), *Causatives and Transitivity*. Amsterdam, Philadelphia: John Benjamins, 87–120.
- Holisky D.A. (1980). On derived inceptives in Georgian // B. Comrie (ed.), *Studies in the Languages of the USSR*. Edmonton: Slavica, 148–171.
- Holisky D.A. (1981). *Aspect and Georgian Medial Verbs*. New York: Garland.
- Hopper P.J., S.A. Thompson (1980). Transitivity in grammar and discourse // *Language* 56/2, 251–299.
- Leskien A. (1884). Der Ablaut in den Wurzelsilben im Litauischen // *Abhandlungen der Phil.-Hist. Klasse der Königl. Sächsischen Gesellschaft der Wissenschaften* 9/4, 263–454.
- Levin B., M. Rappaport Hovav (1995). *Unaccusativity: At the Syntax-Lexical Semantics Interface*. Cambridge, MA: MIT Press.
- Lyberis A. (2005). *Lietuvių-rusų kalbų žodynas*. Apie 65 000 žodžių. 4-oji laida / Red. V. Čekmonas. Vilnius: Mokslo ir enciklopedijos leidybos institutas.
- LKT — Lietuvių kalbos tekstynas. www.donelaitis.vdu.lt.
- LKŽ — Lietuvių kalbos žodynas. <http://www.lkz.lt/startas.htm>.

- Pakerys J. (2007). Esamojo laiko formantas *-st-* išvestiniuose lietuvių kalbos veiksmažodžiuose // *Baltistica* 42/3, 383–405
- Petit D. (1999). Lituaniens // *LALIES. Actes de sessions de linguistique et de littérature. 19 (Aussois, 24–29 août 1998)* Paris: Presses de l'École normale supérieure, 5–135.
- Robinson D.F. (1976). *Lithuanian Reverse Dictionary*. Columbus (OH): Slavica.
- Stang Chr.S. (1942). Das slavische und baltische Verbum // *Skrifter utgitt av Det Norske Videnskaps-Akademi i Oslo. II. Hist.-Filos. Klasse I*, 1–280.
- Valeckienė A. (1998). *Funkcinė lietuvių kalbos gramatika*. Vilnius: Mokslo ir enciklopedijos leidybos institutas.
- Vogt H. (1971). *Grammaire de la langue géorgienne*. Oslo: Universitetsforlaget.
- Wiemer B. (2004). Grammatische Kernbereiche, deren Rekonstruktion und deren Relevanz für historisch belegte Sprachstufen des Baltischen und Slavischen // *Acta Linguistica Lithuanica* 51, 11–24.